

Е. А. САВЕЛЬЕВА

КНИГА ОЛАУСА МАГНУСА
«ИСТОРИЯ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ»
И ЕЕ ИЗВЕСТИЯ О РОССИИ

Настоящая работа посвящена одному малоизвестному в русской историографии источнику, рассказывающему о событиях конца XV—начала XVI в.,— книге шведского ученого Олауса Магнуса «История северных народов».¹ Его сочинение затрагивает множество самых разнообразных вопросов историко-географического плана, касающихся стран Европейского Севера. Несмотря на то что книга Олауса Магнуса была известна в России уже в XVIII в., сведения, содержащиеся в ней, почти не использовались в трудах историков XIX—XX вв.; единственный перевод книги Олауса Магнуса на русский язык, сделанный для В. Н. Татищева в XVIII в., едва ли сохранился.²

В западноевропейской историографии особенный интерес к трудам Олауса Магнуса появился во второй половине XIX в., когда О. Бреннер обнаружил в Мюнхенской библиотеке его знаменитую иллюстрированную карту северной Европы, так называемую «Carta marina».³ В 1901 г. В. А. Кордт издал часть этой карты, а именно два листа, изображающие северо-запад Восточной Европы, в том числе западную границу Русского государства.⁴ Это была единственная работа на русском языке, посвященная Олаусу Магнусу, хотя упоминания о нем и его сочинениях можно

¹ Это довольно редкое издание имеется в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в двух экземплярах. Один из них с пометками Торквато Тассо находится в Отделе редкой книги, другой в коллекции «Rossica».

² В. Н. Татищев упоминает об Олаусе Магнусе и его трудах в «Истории Российской» и в Примечаниях к сочинению шведского исследователя Страленберга. См.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I. Л., 1962, стр. 450; т. VII, Л., 1968, стр. 398.

³ O. Brenner. Olaus Magnus und seine Karte des Nordens. «Historisk Tidsskrift», 1887. 2. Raekke, V, pp. 401—405.

⁴ В. А. Кордт. Материалы по истории русской картографии. Сер. 2, вып. 1. Киев, 1901, стр. 6—8.

пайти в трудах советских историков М. П. Алексеева, М. И. Белова, С. В. Обручева, М. А. Гукковского и др.⁵ Некоторые исследователи обращались только к «Carta marina», используя в своих трудах ее иллюстрации.⁶

Олаус Магнус родился в 1490 г. в шведском городе Линчёпинге в семье местного бюргера Монса (Магнуса) Петерсона. С детства его готовили к духовной карьере. Для завершения образования Олаус Магнус отправился в Германию, где учился в университетах Гамбурга и Ростока. На родину он вернулся в 1518 г. и в том же году отправился вместе с папским нунцием Иоганнесом Ангелом Арчимбольдом на север Скандинавского полуострова для продажи индульгенций и сбора лепты св. Петра. Собранный во время этого путешествия богатый и интересный материал позволил Олаусу Магнусу впоследствии заняться историей, географией и этнографией северных стран и народов.

В 1523 г. Швеция освободилась из-под датского владычества и королевский престол занял Густав I Ваза. Он приблизил к себе Олауса Магнуса и дал ему ряд важных дипломатических поручений. Но в связи с проведением в Швеции реформации и начавшимся гонением на католиков Олаус Магнус был вынужден покинуть родину и отправиться в Данциг, куда несколькими годами ранее бежал его брат, архиепископ упсальский Иоанн Магнус.

Через несколько лет Иоанн Магнус был вызван папой в Италию, где в это время готовился созыв церковного собора для борьбы с протестантской «ересью». Вместе с братом, в качестве его секретаря, отправился и Олаус Магнус.

После смерти Иоанна Магнуса сан архиепископа упсальского и формальные права главы католической церкви в Швеции перешли к Олаусу Магнусу. Но Швеция к тому времени уже давно была лютеранской страной, и для Олауса Магнуса архиепископский сан не принес никаких реальных перемен в жизни. Он остался в шведской колонии в Риме, в монастыре св. Бригитты (Биргитты). Там он умер в 1557 г. и был похоронен в Ватикане в соборе св. Петра.⁷

Находясь в Италии, Олаус Магнус много работал над историей и географией Скандинавских стран. В 1539 г., во время пребывания

⁵ М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941; М. И. Белов. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. В кн.: История открытия и освоения северного морского пути, т. I. М., 1956, стр. 35; М. А. Гукковский. Книга из библиотеки Торквато Тассо. «Известия Академии наук СССР», отд. общественных наук, Л., 1931, отд. оттиск.

⁶ См., например: С. Гадзяцкий. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941, стр. 67, 127, 136, 184.

⁷ В 1950 г. в связи с празднованием 600-летнего юбилея первого посещения Рима шведскими пилигримами над могилой первооткрывателя Европейского Севера в соборе св. Петра поставлен памятник с перечнем его заслуг в развитии мировой культуры.

ния в Венеции, он издал морскую карту с кратким комментарием на латинском языке,⁸ затем, немного позже, два комментария к ней на немецком⁹ и итальянском¹⁰ языках.

В римском монастыре св. Бригитты Олаус Магнус издал труды своего брата: в 1554 г. «Историю обо всех королях готов и севев»,¹¹ написанную в 1540 г., и в 1557 г. — «Историю церкви в Упсале»,¹² написанную в 1536 г., а затем в 1555 г. и свое собственное сочинение — «Историю северных народов»,¹³ в короткий срок ставшую известной во многих европейских странах и выдержавшую в XVI—XVII вв. более 20 изданий.¹⁴

Сочинение Олауса Магнуса до сих пор является одним из важных и интересных источников по истории и исторической географии Скандинавских стран и Европейского Севера. Написанная по новейшим источникам своего времени (сочинения Альберта Магнуса, Альберта Кранца, Павла Иовия, Матвея Меховского и др.), по личным впечатлениям и документальным материалам, собранным автором во время путешествий по европейским странам (Швеция, Норвегия, Нидерланды, Польша, Германия, Италия), она содержит много ценных сведений не только о Скандинавии, но и о странах, имеющих выход к Балтийскому морю — о Русском государстве (в частности, о Карелии), Польше, Литве, Ливонии.

Необычайная сложность композиции «Истории северных народов», тот факт, что ряд документов, использованных Олаусом Магнусом, видимо, вообще не сохранился, отсутствие ссылок на заимствованные тексты из различных историко-географических трудов, своеобразная манера изложения (отсутствие хронологической последовательности, нечеткий план сочинения и т. д.) во многом затрудняют источниковедческий и исторический анализ этого памятника.¹⁵

⁸ Olaus Magnus. Carta marina et descriptio septentrionalium terrarum ac mirabilium rerum in eis contentarum. Venetiae, 1539.

⁹ Olaus Magnus. Ain korte Auslegung und Verklarung der neuen Mappen von den alten Goettenreich und andern Nordlenden. Venetiae, 1539.

¹⁰ Olaus Magnus. Opera brevis la quale demostra e dichiara overo da il modo facile de intendere la Charta over delle terre frigidissime de Septentrione, oltre il mare Germanico dove si contengono le cose mirabilissime de quelli paesi, fin a quest'hora non cognosciuti ne da Greci ne da Latini. Venetiae, 1539.

¹¹ Ioannes Magnus. Historia de omnibus Gothorum Sveonumque Regibus. Romae, 1554.

¹² Ioannes Magnus. Historia Metropolitanae Ecclesiae Upsalensis. Romae, 1560.

¹³ Olaus Magnus. Historia de gentibus septentrionalibus. Romae, 1555.

¹⁴ 22 издания «Истории северных народов» хранятся в коллекции «Росспка» Государственной публичной библиотеки. Отсутствует только перевод этой книги на английский язык.

¹⁵ Как в старой, так и в новейшей шведской историографии почти отсутствует источниковедческий анализ «Истории северных народов». Исследование трудов Олауса Магнуса ограничивается обзором сочинений

Тем не менее, видимо, большинство источников, на основе которых была написана «русская» часть книги, можно определить. Описание событий русско-шведской войны 1495—1497 гг. базируется на целом комплексе материалов, куда входят письма командующего шведскими войсками Стена Стуре,¹⁶ который информировал Стокгольм о своих «деяниях»,¹⁷ рассказы очевидцев, письма московского князя,¹⁸ известия шведской рифмованной хроники второй редакции¹⁹ и даже легенды. Олаус Магнус не стремился изложить все известные ему события в хронологической последовательности. Не занимался он и специально историей Московского государства. Но в связи с тем что Московия была постоянным и опасным соперником Швеции, русско-шведским отношениям автор уделяет довольно много внимания. В настоящей работе рассматривается только та часть его сочинения, в которой собраны основные сведения о России, — 11-я книга «Истории северных народов», называемая «О войнах, которые ведутся на льду».

Центральными вопросами, поставленными в этой книге, являются вопросы о войне 1495—1497 гг. между Московским государством и Швецией, о дипломатических связях европейских властителей с русским великим князем, о торговле. Его внимание также привлекали отношения между народами, населяющими пограничные территории России и Швеции.

Главы, посвященные русско-шведской войне 1495—1497 гг., содержат некоторые ценные сведения об этом событии и об его отражении в умах современников.

Поводом к русско-шведской войне конца XV в. послужил договор 1493 г. московского великого князя Ивана III Васильевича с датским королем Иоанном, по которому Московское государство обязывалось помочь Дании вновь подчинить восставшую против датской власти Швецию и за это должно было получить земли, потерянные в 1323 г. по Ореховецкому договору.²⁰

античных и средневековых авторов, упоминаемых в книге. См.: K. Hagberg. Olaus Magnus Historia om de Nordiska folken. I urval. Stockholm, 1963; H. Grape. 1) Olaus Magnus. Svensk landsflyktning och nordisk kulturapostel i Italien. «Svenska Humanistiska Förbundets skrifterserie», v. 70. 1964; 2) Det litterära antik- och medeltidsarvet i Olaus Magnus patriotism. Stockholm, 1949, и т. д.

¹⁶ Отметим, что Олаус Магнус происходил из младшей ветви рода Стуре. Очевидно, он мог узнать о письмах Стена Стуре от своих родственников.

¹⁷ О письмах Стена Стуре см.: G. Styffe. Bidrag till Skandinaviens Historia ur utländska Arkiver. Fjerde delen. Stockholm, 1875, ss. 185, 188.

¹⁸ О письмах московского князя см.: G. Styffe, op. cit., pp. 262—265.

¹⁹ *Scriptores rerum Suecicarum*, t. I, sect. 2. Stockholm, 1818, pp. 1—128.

²⁰ Следует оговорить, что в официальном тексте этого договора (Собрание государственных грамот и договоров, ч. V, № 110) это условие включено не было, а входило, по-видимому, в состав дополнительного (письменного или устного) соглашения, о содержании которого известно

Военные действия начались в 1495 г. походом из Выборга на земли, принадлежащие новгородским карелам. Именно эти события имеет в виду Олаус Магнус, когда пишет, что шведы многочисленными нападениями вынудили шестидесятитысячную армию «москвитов» осадить Выборг.²¹ Осада была неудачной.

Объясняя причину отступления русских войск от Выборга, Олаус Магнус рассказывает о страшной пещере Смеллен на берегу Финского залива, шум которой навел ужас на неприятеля и защитил город от иноземного вторжения.²² Возможно, в этой легенде виден отзвук действительного события. Говоря о пещере, Олаус Магнус имел в виду один из эпизодов осады Выборга, так называемый «выборгский взрыв» (происшедший во время штурма города взрыв пороховой башни, внесший смятение в ряды осаждающих и вынудивший их к отступлению). О нем в северных странах существует много разнообразных сказаний. Одно из них, вероятно, и послужило источником Олаусу Магнусу для его рассказа.

В 1496 г. шведы под руководством Стена Стуре Старшего и Свапта Стуре напали на Ивангород, крупный транзитный пункт для русских и восточных товаров, отправляемых в страны Западной Европы. В момент осады в городе находились большие запасы мехов и воска. В связи с этим Олаус Магнус сообщает легендарное известие, согласно которому воска в городе было так много, что когда он растаял при пожаре города, по нему можно было плыть на лодке, как по реке.

Нападение шведов на Ивангород Олаус Магнус изображает как действительное, будто бы вынужденное «москвитами»: «После продолжительных войн и ущерба, нанесенного своим врагам по всем направлениям их страны (имеется в виду осада Выборга, — *Е. С.*), они (москвиты, — *Е. С.*) заставили шведов с пятьюдесятью тысячами человек²³ осадить крепость (Ивангород, — *Е. С.*), которую они взяли после жестокой битвы и все предали огню и мечу таким образом, что немногим удалось спастись».²⁴ Шведы предложили отдать Ивангород великому магистру Ливонского ордена, но ливонцы от него отказались, сославшись на мирный договор,

лишь из позднейших источников (в частности, из материалов московского посольства 1501 г.).

²¹ Olaus Magnus. *Historia de gentibus septentrionalibus*, XI, 4, p. 362; ср.: ПСРЛ, т. VIII, стр. 162; К. Ордин. *Покорение Финляндии*, т. I. СПб., 1889, стр. 37.

²² Olaus Magnus, *op. cit.*, XI, 4, p. 362; ср.: М. В. Головинский и Н. К. Ядрышев. *История финского народа*. СПб., 1901, стр. 65.

²³ Цифра получена Магнусом из каких-то устных источников и явно преувеличена. В письме великого магистра Тевтонского ордена ливонскому магистру от 13 сентября 1496 г. (т. е. в том же году, когда произошла осада) сообщается более точная цифра: 6000 человек (*Liv-Est- und Kurlandische Urkundenbuch*, 2. Abteilung, Bd. I, Riga—Moskau, 1900, № 407).

²⁴ Olaus Magnus, *op. cit.*, XI, 1, 2, p. 359.

заклученный с Русским государством. Войска Сванта Стуре сожгли город и возвратились в свои земли с огромной добычей, состоящей из мехов и других товаров. Эта добыча явилась поводом для ссоры между Стеном и Свантом Стуре.

Причину постоянных столкновений шведов и русских Олаус Магнус видит в борьбе за обладание тремя карельскими погостами, — Эгреббе, Яские и Саволак (Egrebbe, Jaskis, Savolax). По договору великого новгородского князя Юрия Даниловича со шведами, заключенному на Ореховом острове в 1323 г., эти три погоста были официально уступлены шведам. Новгородцы не примирились с потерей земель, издавна принадлежавших им, и эти земли много раз служили причиной для пограничных столкновений.

О желании московского великого князя возвратить потерянные земли свидетельствует заключенный им в 1493 г. договор с датским королем Иоанном, направленный против шведов. Одним из его пунктов было соглашение о передаче земель, издавна принадлежавших великому князю, в его полное владение.

Вот что пишет Олаус Магнус: «Причина, по которой они (москвиты, — *Е. С.*) пришли, заключалась, как говорят, в расположении трех провинций (погостов), Эгреббе, Яскиса и Саволакса (они располагались по соседству со шведской границей); они (москвиты, — *Е. С.*) утверждали, что земли и право пользования реками принадлежит им, а не Шведскому королевству. Но в действительности король датский хотел заставить их (москвитов, — *Е. С.*) пойти туда, чтобы покорить шведов и захватить половину королевства в свои руки, а другую отдать в руки москвитов, как было предложено через некоторое время вышеозначенному королю Иоанну в королевском городе Хольме²⁵ московскими послами; его убедили, что было необходимо заключить соглашение между ними и их господином, и подтвердили крестным целованием, что они найдут средство унижить Швецию и захватить королевство».²⁶

Олаус Магнус не пользовался ни договором 1323 г., ни более поздним договором 1493 г. между Данией и Россией. Последний стал известен в Швеции только в 1501 г.²⁷ В этом году датский король Иоанн временно занял Стокгольм и изгнал оттуда шведских правителей Стуре. Из Москвы к нему было отправлено посольство с письмом по поводу исполнения обещаний относительно передачи московскому великому князю земель в соответствии с договором 1493 г.²⁸

²⁵ Стокгольме.

²⁶ Olaus Magnus, *op. cit.*, XI, 3, p. 361.

²⁷ В. Крохин. История карел. «Русская старина», 1907, август, стр. 6.

²⁸ Вероятно, что письмо было переведено на латинский язык в канцелярии великого князя. Подтверждением может служить упоминание в нем русских имен, которые при переводе почти не подверглись искажению, но вызвали недоумение издателя документа (*nos tres nostros capti-*

Возможно, что Олаус Магнус использовал в своей книге именно этот документ,²⁹ на что указывает, во-первых, упоминание в нем о событиях, содержащихся в двух договорах, отделенных один от другого почти двумя столетиями, — в договоре 1323 г. Юрия Даниловича и в договоре 1493 г. Во-вторых, что несомненно связывает этот документ с «Историей северных народов», — идентичное написание названий трех карельских погостов, отданных по договору 1323 г. (Эгреббе, Яскис и Саволак) Швеции, а именно: Egrebbe, Jesche, Saualax.

Интересно также отметить, что это письмо, на котором, как утверждает шведский историк XIX в. Стюффе,³⁰ имеются собственноручные пометки Ивана III, в XIX в. хранилось в архиве города Данцига, куда эмигрировал в 1524 г. старший брат Олауса Магнуса, архиепископ упсальский Иоани Магнус, а затем и сам автор «Истории северных народов».

Вторая группа известий Олауса Магнуса посвящена вопросу торговли русских купцов с северными народами, с финнами, карелами, лапландцами. Шведский историк рассказывает о путях торговли, о предметах вывоза из северных стран, о взаимоотношениях русских купцов с местным населением.

Олаус Магнус рассказывает, что для поездок на север и северо-запад Европы купцы-московиты строили различные суда (струи, лады и др.), затем, нагрузив их русскими товарами, направлялись в Ливонию, Карелию, Лапландию, Финляндию, Швецию и Норвегию. Маршруты русских купцов были проложены по рекам, впадающим в Ладожское озеро, Белое море и Ботнический залив, по озерам и протокам Карелии до Баренцева моря. Олаус Магнус замечает: «Путешествие, которое они совершают, чтобы продать свои товары в северных странах, растягивается на три или четыре сотни миль». Московские купцы приобретали у карел, финнов и лапландцев пушнину, столь ценившуюся на рынках Западной и Восточной Европы. «Их товарами, — сообщает Олаус Магнус, — являются очень дорогие шкурки и меха всех сортов, такие как соболь, куницы и другие, называемые по итальянски Dossi (белки)».³¹

Шведский историк неоднократно рассказывает о дружественных торговых встречах «московитов» с северными народами, об их помощи русским купцам во время долгих и опасных путешествий. Рисуя картину торговли, автор стремится подчеркнуть мирный характер их связей и добрососедские отношения.

uos Senku Denoschina et Mitri et Janascha Reprena — трех наших... Сеньку Деношина и Митрю и Яноша Реприна). См.: Styffe, op. cit., p. 263.

²⁹ См.: Styffe, op. cit., p. 262—265; Г. В. Форстен. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884, прил. 5.

³⁰ См.: Styffe, op. cit., p. 265.

³¹ Olaus Magnus, op. cit., XI, 12, p. 369.

Но переходя к рассказу о столкновениях русских, точнее новгородцев, со шведами и финнами, Олаус Магнус сгущает краски и представляет московитов как очень воинственный народ.

Набеги шведов на западные районы Русского государства, естественно, вызывали ответные действия не только со стороны Москвы и Новгорода, но и со стороны всего населения этих областей, непосредственно страдавшего от постоянных грабежей и пожаров. Если купцов местные жители принимали очень дружелюбно, то нападающим на поселения новгородцам они оказывали всяческое сопротивление. В ряде случаев устраивались облавы на спрятавшихся в лесах участников этих походов и с ними беспощадно расправлялись, вынуждая их либо спастись бегством и укрываться в чаще лесов, горных пещерах и укрепленных местах, либо сдаться.

Олаус Магнус рассказывает о снаряжении подобных экспедиций, в частности об изготовлении судов. Он пишет, что московиты «отправляются в ближайšie леса и пустыни и там, выстругивая и выдалбливая еловые стволы, строят длинные и легкие суда (струги, — *Е. С.*), способные поднять 20 или 25 человек».³² В работе по строительству лодок и вооружению собравшейся группы принимают участие все ее члены, и каждый хорошо знает свои обязанности. Одни варят смолу в ямах под землей, «чтобы укрыться от дыма»,³³ другие гнут луки, третьи занимаются изготовлением стрел и дротиков, и т. д.

Сведения о торговых походах и набегах «московитов» Олаус Магнус получил во время своего путешествия по Скандинавским странам из рассказов шведских и ливонских купцов и жителей Финляндии, Шведской Карелии и Лапландии. Это подтверждается также подробным описанием тактики новгородцев на суше и на воде, их снаряжения и рассказом о борьбе с ними.

Третья группа известий о России в 11-й книге «Истории северных народов» касается дипломатических связей Западной Европы с Московским государством и с татарскими ханами.

Остаиваясь на обычаях, неизвестных в других странах, Олаус Магнус пишет о татарском обряде очищения огнем. Каждый чужеземный посол должен был пройти между двух костров, прежде чем предстать перед ханом.

Для описания посольских церемоний Олаус Магнус использовал три источника, поддающихся определению, а именно: труды западноевропейских писателей о Русском государстве. Это — сочинения Плапо Карпини «История монголов», Рубрика «Путешествие в Восточные страны» и Павла Ювия «Книга о московитском посольстве».³⁴

³² Olaus Magnus, op. cit., XI, 4, p. 364.

³³ Ibid.

³⁴ Дж. де Плапо Карпини. История монголов, Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. М., 1957; Павел Ювий. Книга

Первые два труда дали возможность Олаусу Магнусу дополнить картину приема дипломатов при дворе московского великого князя. Автор полагает, что некоторые детали посольского обряда московитов имеют сходство с татарскими обычаями.

При сравнении отрывка из «Истории северных народов» с рассказами «Истории монголов» и «Путешествия в Восточные страны» наблюдается почти полное текстологическое сходство (рассказ о том, что послов проводят между двумя зажженными огнями для «очищения», сообщение о подношении подарков и т. д.).³⁵

Из сочинения Павла Иовия Олаус Магнус заимствовал титул великого князя московского Василия III, из письма князя к папе Клименту VII, привезенного в Рим «неким Димитрием» (Дмитрием Герасимовым, — *Е. С.*). Хотя при передаче этой грамоты Магнус не ссылается на сочинение Иовия, на использование труда епископа из Ночера указывает полное совпадение титула великого князя в сочинениях и Магнуса, и Иовия, а также ссылка на число и год отправления грамоты, данные не от рождества Христова, как было принято на западе, а от сотворения мира.³⁶

Очень подробно описывает Олаус Магнус посольские церемонии Московского государства середины XV в. О пышности двора великого князя московского писали многие путешественники и историки, предшественники Олауса, но все же он не мог поверить, что присутствующие при этих церемониях люди знатного происхождения. Олаус Магнус полагает, что для придания себе большего веса в глазах иноземных послов русский великий князь идет на хитрость. Вместе со своими боярами и придворными он приказывает посадить убеленных сединами стариков из народа, одетых в богатое платье.³⁷

Иллюстрацией рассказа о посольских обычаях московского царя служит описание приема Иваном Грозным посла польского короля Сигизмунда — Августа Матуша Бартоломеевича князя

о Московитском посольстве. В кн.: С. Герберштейн. Записки о Московитском посольстве. СПб., 1908.

³⁵ Первый отрывок начинается словами: «У татар есть обычай...» до слов: «подверг бы свою жизнь величайшей опасности...» (Olaus Magnus, XI, 10, p. 367), ср. с отрывком из Плато Карпини от слов: «им... надлежит...» до слов: «...и не принесли яду» (Плато Карпини, ук. соч., стр. 31). Второй отрывок от слов: «и не пропускают никакого посла...» до слов: «какого-нибудь подарка» (Olaus Magnus, op. cit., XI, 10, p. 367) ср. с отрывком из Плато Карпини от слов: «Сверх того...» до слов: «низко ценят послов» (Плато Карпини, ук. соч., стр. 31). Третий отрывок от слов: «...отдавал такие почести» до слов: «...только богу» (Olaus Magnus, op. cit., XI, 10, p. 367) ср. с отрывком из Рубрука от слов: «Тогда Вату сделал мне знак...» до слов: «...так как преклонил оба колена» (Плато Карпини, ук. соч., стр. 120).

³⁶ Olaus Magnus, op. cit., XI, 3, p. 361; ср.: Павел Иовий. Книга о Московитском посольстве, стр. 265.

³⁷ Olaus Magnus, op. cit., XI, 10, p. 367.

Гедройтского,³⁸ прибывшего в Москву в 1551 г. Следует обстоятельный рассказ о путешествии Матуша Гедройта (или КГедройта, как называют его русские документы),³⁹ «человека знатного рода» из Вильно, «города очень известного в стране Литвании». Почти у самой русской столицы польского посла встретили всадники и проводили в город. «Затем, — пишет Олаус Магнус, — спустя несколько дней, он был препровожден с большой пышностью до дворца великого князя, чтобы представить ему свои грамоты, и был проведен двумя вельможами через галереи, в каждой из которых находились величественные старцы с длинными бородами (возможно, рабы), одетые очень богато в одежде, принадлежащие великому князю, сидящие вокруг на седалищах, находящиеся там только затем, чтобы показать великолепие княжеского двора».⁴⁰

Олаусу Магнусу не было известно, что Гедройт дважды приходил на аудиенцию к царю.⁴¹ «Наконец его (Гедройта) препроводили в зал, где находился великий князь со своими князьями и баронами (боярами, — *Е. С.*), одетыми с той же роскошью. Великий князь сидел там на кресле, очень удаленном от других, одетый в длинное платье из бархата, все украшенное жемчугом и драгоценными камнями, держа в руках налку, позолоченную вверх и украшенную серебром внизу, на том месте, на которое опираются; на голове у него была митра, которая на их языке называется колпак (*Kalpak*), сделанная из прекрасного меха черных лисц, который более драгоценен в этой местности, чем соболи и куницы».⁴²

На описании одежд великого князя и его приближенных Олаус Магнус останавливается потому, что между костюмами стран Западной Европы и Московского государства существовало большое различие.

Причина посольства Матуша Гедройта к московскому великому князю заключалась в том, что польский король Сигизмунд-Август в своей грамоте отказался называть Ивана IV царем. Это письмо не приняли русские послы, и Сигизмунд был вынужден отправить его со своим человеком. Олаус Магнус пишет об этом следующее: «Итак, посол этого великого князя (Ивана Грозного, — *Е. С.*) однажды прибыл в Польшу от своего господина, царя русского (*Saar Ruski*), ибо так он был назван митрополитом этого царства, поэтому вышеозначенный король польский отправил к нему своего посла».⁴³

³⁸ *Orator Regis Polonia Matthaeus Bartholomieusza Kneze Gedroitzki. Olaus Magnus, op. cit., XI, p. 367.*

³⁹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т. II (1533—1560), № 22. Сб. РИО, т. 59. 1887, стр. 348—354.

⁴⁰ *Olaus Magnus, op. cit., XI, p. 368.*

⁴¹ Сборник РИО, т. 59, 1887, стр. 350—352.

⁴² *Olaus Magnus, op. cit., XI, p. 368.*

⁴³ *Olaus Magnus, op. cit., XI, p. 368.*

Олауса Магнуса, вероятно, как и автора материалов о посольстве Гедройта в Москву, удивляет русский обычай три раза низко кланяться царю. «Приведя посла в зал, где находится великий князь, те, которые его сопровождали и представляли великому князю, падали на землю, три или четыре раза кивая головой, так как таков обычай московитов оказывать высшее почтение и приносить знаки глубокого уважения своему князю».⁴⁴

Значительный интерес представляет источник описания посольства Гедройта в Московию. Этот источник во многом перекликается с сообщением Герберштейна о его приезде в Москву для передачи императорских грамот. И Магнус, и Герберштейн пишут о встрече посла на московской границе княжеским приставом, о роскоши княжеского двора, о парадных одеждах русского государя и т. д. Но эти совпадения ограничиваются лишь несколькими фактами. Текстологически описания одних и тех же событий не имеют никакого сходства. А некоторые приведенные Олаусом Магнусом подробности церемонии приема послов, известные о том, что, по словам автора «Истории северных народов», на этой церемонии, кроме бояр, присутствовали еще «седобородые старцы» из престонародья в боярских одеждах, вообще не встречаются у Герберштейна.⁴⁵

Все это позволяет предположить, что Олаус Магнус положил в основу своего известия о посольском обряде другой источник, возможно рассказ самого Гедройта о путешествии в Москву.

Подводя итоги, отметим, что сочинение Олауса Магнуса содержит интересный и малоизвестный материал о Руси XV—начала XVI в. Огромная популярность в XVI—XVII вв. «Истории северных народов», содержащей многочисленные известия о северных странах вообще и о Русском государстве в частности, позволяет заключить, что книга шведского историка способствовала распространению в Западной Европе сведений о современной ему жизни Московии.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Olaus Magnus, *op. cit.*, XI, 40, 367—368; ср.: С. Герберштейн, *ук. соч.*, стр. 325—328. — Русские источники подробно рассказывают историю посольства Гедройта в Москву, так как имя этого польского дипломата связано с делом о признании польским королем Ивана IV, великого князя московского, «царем всея Руси» (см.: Сборник РИО, т. 59, 1887, стр. 354—362). О западном письменном источнике о путешествии Гедройта в Москву в русской историографии не упоминается. В европейской историографии о нем также ничего не известно и ссылки даются на русские Посольские книги. См.: I. Granlund. *Kommentar till Historia om de nordiska folken*. Del. 5. M., 1953; H. Narbutt. *Dzieje narodu litowskiego*. T. IX. Wilno, 1841, pp. 268—269.